

Сауле Абишева

Структура и семантика мира природы в Поэзии М. Макатаева

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 441-450

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

САУЛЕ АБИШЕВА

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА МИРА ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ М. МАКАТАЕВА

Выдающийся казахский поэт XX века М. Макаатаев родился в 1931 году в далеком казахском ауле. Вся его короткая жизнь складывалась драматично. Он испытал войну, сиротство, трагическую смерть дочери, зависть и травлю в писательских кругах, недоброжелательность властей, бытовую неустроенность и семейные неурядицы, безденежье и человеческое одиночество. Его имя замалчивалось, а стихи были доступны лишь узкому кругу любителей поэзии. Поэт умер в 1976 году от тяжелой болезни, не узнав славы, которая пришла к нему только в начале XXI века.

Макаатаев – истинный евразиец, всей своей человеческой сутью воплотивший евразийскую идею – идею интеграции Востока и Запада. Еще в детстве он самостоятельно выучил русский язык. Уже учась в Алма-Ате в институте, в одном из писем в аул он пишет, что прежде чем изучать науки, необходимо выучить русский язык. Макаатаев любил читать не только казахскую литературу. Он прекрасно знал русскую литературу, особенно поэзию Пушкина, Есенина, Блока. Из зарубежной литературы, интересуясь творчеством Гейне, Гете, Дюма, Гюго, Байрона, Драйзера, Стендаля, предпочтение отдавал Бальзаку, Лондону и Шекспиру. Впоследствии свою любовь к мировой литературе Макаатаев выразил в переводах. Благодаря его переводам казахский читатель познакомился с поэзией Уитмена, Шекспира, Бернса, Исаакяна, Тихонова, Евтушенко. Именно Макаатаеву принадлежит честь первым познакомить казахского читателя с «Божественной комедией» Данте. Он успел блестяще перевести только 1 часть комедии – «Ад», написав к ней вступительное слово и комментарии.

Певец казахской природы, Макаатаев стремится понять, как осуществляется поэтическое воплощение природы в русской литературе и какова взаимосвязь человека и природы в ней. Он пишет: «Например, возьмем Пушкина. У него природа и человек и его настроение едины. В поэзии Пушкина человек и природа воспеты вместе, не отставая друг от

друга)¹. Или другая дневниковая запись: «У Блока не существует природы без человека и наоборот. Природа и человек для него одно целое. Как можно понять природу без человека? Без его отношения к ней, без его настроения в тот или другой момент? Природа осознана, понята человеком. Значит, она должна быть вместе с ним»². Рассуждения о единости природы и человека имеют и поэтическую реализацию в творчестве Макаатаева. О чем бы он ни писал, природа является его преданным спутником и единомышленником, собеседником и свидетелем его переживаний, близким другом: «Бәрібір табиғатпен бірге өсемін, / Бәрібір табиғатпен тілдесемін»³ («Все равно с природой мужаю, / Все равно с природой говорю»⁴). Взаимодействие между природой и человеком носит постоянный характер: «Адамзат пен табиғаттың / Таусылмайды қорегі» («Человечества и природы / Не кончается взаимосвязь»). Поэт считает, что природа не только предмет поэтического восторга: «Табиғат керемет ең неткен, неткен?!» («Какое, какое чудо ты, природа?!»). Подобно Пастернаку он убежден, что природа – источник поэзии: «Армысың, құба жолды қырқаларым? / Сендерден жыр табамын, сыр табамын» («Здравствуете ли вы, придорожные, белесые возвышенности? / В вас песню нахожу, тайну нахожу»), и она сама способна создавать поэзию: «Ақын деген табиғат қой» («Ведь поэт – это природа»).

Изображение природы поэтом не укладывается в узкие рамки понятия «пейзажная лирика». Макаатаев создает неповторимый образ природы, насыщенный этноландшафтными реалиями, где лирический герой – ее органическая часть. Поэт поднимается в понимании природы до глобальных философских проблем, которые помогают ему найти ответы на сложные вопросы бытия. А в созданном им мире природы показательной среди структурных элементов является система субъектно-объектных отношений. По степени присутствия природы, форм ее функционирования и взаимоотношений с лирическим субъектом стихотворения Макаатаева можно разделить на три группы.

К первой относятся стихотворения, в которых он восторгается природой, предается размышлениям о ней: «Қара суық» («Лютый мороз»), «Биылғы май» («Нынешний май») и др. Обычно в этих случаях лирический субъект открыто проявляется местоименной формой «я» и его падежными вариантами. При отсутствии словесно выраженного «я» он определяется опосредованно – через глагольную форму или форму притяжательности (типа «далам» – «моя степь»). Частое употребление последней составляет

¹ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. III, Алматы, 2002, с. 398.

² Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. III, Алматы, 2002, с. 387–388.

³ Работа с текстами велась по 4-томному изданию: Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, тт. I, II, III, IV, Алматы, 2001–2002.

⁴ Все подстрочные переводы с казахского языка на русский сделаны автором статьи – С.А.

один из формальных способов выражения беззаветной любви к природе и глубокой связи с ней: «жерім» («моя земля»), «күнім» («мое солнце»), «тауларым» («мои горы»).

Наибольшей по количественному составу является вторая группа стихотворений, в которых структуроорганизующее начало принадлежит психологическому параллелизму природа – человек. В них лирический субъект также стремится к заявленности: в природе он находит соответствия своему настроению, состоянию души. В стихотворении «Күзде»⁵ («Осенью») грусть прощания с любимым человеком подобна осеннему прощанию птиц с родным краем. Осенний пейзаж, на фоне которого происходит это двойное прощание, усугубляет боль потери и переживаний лирического героя: «Жаным менің, тағдырым жазбағай-ды, / Қош айтысар кезенді сеніменен» («Душа моя, пусть судьба не предначертает / Времени прощания с тобой»).

Третью, особую группу, составляют стихотворения, где полностью отсутствует человеческий голос. Возникает такое ощущение, что природа сама говорит о себе. Она, согласно пастернаковской формуле, является исполнителем, исполненным и предметом исполнения. Благодаря минус-приему, заключающемуся в нарушении автоматизма присутствия субъектного начала, Макаатаев открывает в поэзии новые пути изображения природы. Природа становится самоценной и самодостаточной, потому что антропоморфизируется, и нередко берет на себя функции субъекта. В стихотворении «Таң алдында»⁶ («Перед рассветом») предстает картина смены ночи и дня, которая разыгрывается на небесном своде. Этот процесс имеет объективный природно-космический характер, поэтому присутствие человека здесь излишне.

Характер субъектно-объектных отношений проявляется в форме открытого или скрытого диалога, где одним из собеседников и адресатов лирического героя является природа. Не человеку, а природе в большей мере поэт доверяет свои сокровенные мысли и чувства, потому что верит в возможность полного взаимопонимания и сочувствия с ее стороны. Обращение как формальная реализация диалога снимает дистанцию между субъектом и объектом, человеком и природой. Происходящее сближение имеет обоюдный характер: природа приближается к человеку, и человек дотягивается до уровня природы. Отсюда природный мир составляет с лирическим героем целое.

Стихотворения «Қайырлы түн» («Спокойной ночи») и «Қайырлы таң» («Доброе утро») наполнены восторгом бытия. Оба строятся на многократном анафорическом повторе ключевых фраз-обращений. В первом случае – это «қайырлы түн» («спокойной ночи»), во втором – «қайырлы таң» («доброе

⁵ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. II, Алматы, 2001, с. 177–179.

⁶ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. II, Алматы, 2001, с. 242.

утро»), которые заключают обращение к одним и тем же природным реалиям – «жер», «аспан» («земля», «небо»). В первом произведении нарастание эмоционального строя осуществляется за счет вариативных дистантных повторов ключевого словосочетания с названными понятиями. Данный вертикальный повтор, закрепляя внимание на предмете обращения, фиксирует эмоционально-смысловое движение лирического сюжета. Во втором – вариативные повторы, находясь в пределах одного стихового ряда, входят в состав линейной однородности и имеют форму горизонтально-вертикального повтора:

Қайырлы таң, жомарт жерім, ер жерім,
өзендерім, көлдерім!
Қайырлы таң, кермиықты кең далам,
құба жонды белдерім!

Доброе утро, щедрая моя земля, героическая земля,
реки мои, мои озера!
Доброе утро, красавица бескрайняя степь моя,
Перевалы с белесыми хребтами!

Сложная система субъектно-объектных отношений наблюдается в стихотворении «Бәрі жасыл» («Все зеленое»). Лирическое «я» проявляется через обращение и форму 2 лица повелительного наклонения, адресованные к природе. Стихотворение, состоящее из 4 строф, строится на целом комплексе различных повторов. Это и сквозная аллитерация звука *ж*, повторы слов (слово «жасыл» – «зеленый» повторяется 16 раз), повторы тождественных фразовых и синтаксических конструкций, повтор в первых строчках 1 и 2 строф фразы «Бәрі жасыл» («Все зеленое») и кольцевая композиция (1, 4 строфы), где повторяется обращение-повеление.

В мифологии природа наделяется антропоморфными свойствами. В поэзии, при условии сохранения ею архетипического статуса живого существа, наблюдается расширение семантического поля обращения к миру природы. А.Н. Веселовский неоднократно подчеркивал мысль о том, что в литературе происходит обновление древних поэтических формул, обнаруживающих поэтическую емкость. Размышляя о жизненности и обновлении вековых метафор в обороте поэзии, он связывает этот процесс с расширением диапазона психологических соответствий⁷. Макараевская форма обращения к природному космосу и его составным (солнце, небо, звезды, горы, вода и т.д.) подчеркивает их психологическое тождество с миром лирического героя. Поэт стремится сродниться с природой, просит у нее силы и благословения: «Ей, Табиғат! Барыңды маған арна!» («Эй, Природа! Все, что есть у тебя, мне посвети!»); не перестает восторгаться

⁷ Веселовский А.Н. *Историческая поэтика*, М.: Высшая школа, 1989, с. 153.

ею: «Сыр-дүние-ай, сиқырың көп не түрлі» («О загадочная вселенная, как много у тебя разных тайнств») и полон любви к родной земле: «Апырмай, Туған жер-ай! / Теңдесер кім, / Бұл жерге сен болмасаң, келмес едім» («Боже мой! О родная земля! / Кто сравнится с тобой, / Если б не ты, на этой земле не родился бы я»).

Форма обращения Макаатаева к природе и ее явлениям имеет широкий эмоциональный диапазон. Грусть по уходящей жизни заставляет его сделать следующее обращение-просьбу: «Күндер-ау, күндер, көктемдер, / Қасымнан менің кетпендер?!» («Ах, дни, дни, вёсны, / Не уходите от меня?!»). В этом ряду самым сильным является стихотворение «Күрең күз»⁸ («Серая осень»), которое построено на дистанцированном повторе обращения-прощания. Между адресатом и говорящим есть связь. Человек находит проекции своих настроений в природе, и одновременно состояние человека, испытывающего чувство неизбывной тоски, определяет настроение природы: «Қош енді, қош бол, күрең күн! / Күрең мұң саған жібердім» («Прощай же, прощай, серый день! / Серую печаль тебе я послал»). Полученное от субъекта суггестивное настроение возвращается ему природой вновь уже в увеличенном объеме, в результате чего чувства, владеющие лирическим героем, достигают своего пика: «Күп-күрең менің реңім, / Қош енді, қош бол, күрең күн!» («Мрачен мой облик, / Прощай же, прощай, серый день!»).

Для поэзии Макаатаева характерны ясность и простота. Он не любит сложных форм и закрученных метафор. Главный упор делается на систему различных повторов, которые придают произведениям особое, музыкальное, ритмико-интонационное звучание: «Жыртылып жатыр күрең жер, / Күрен жер – тозған кілемдер» («Лоскутами лежит серая земля, / Серая земля – старые ковры»).

К одному из основных элементов поэтического стиля Макаатаева относится и синтаксический повтор. Среди синтаксически тождественных конструкций можно выделить две большие группы: смежные синтаксические повторы (повторы, находящиеся рядом) и дистантные (повторы через интервал). К первым относятся:

1) Однородные линейные повторы в виде перечисления, показывающие предмет поэтического изображения с разных сторон: «Алыс болып барасын, тауым, далам» («Отдаляетесь все больше, горы мои, степь моя»); «Дыбыссыз бәрі – орман да, тау да, бақтар да» («Все в безмолвии – и леса, и горы, и сады»); «Қысын, жазын, күзін де, көктемін де» («Зима, лето, и осень, и весна твои»).

2) Повтор находящихся рядом тождественных синтаксических групп: «Бетегелі белдерім, момын далам» («Ковыльные перевалы, кроткая степь»); «Тынған жаңбыр, күн ашық» («Закончившийся дождь, ясный день»).

⁸ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. III, Алматы, 2002, с. 39.

В стихотворении «Кұрғақшылық»⁹ («Засуха») подобием синтаксических конструкций подчеркивается смысловая антонимия: «Анау алып шыршаға, мынау нәзік гүлге де, / Мына келген тамызға, кешегі өткен шілдеге» («Той огромной ели, этому нежному цветку, / Нынче наступившему августу, вчера закончившемуся июлю»).

3) Синтаксический параллелизм, где единый поэтический образ природы создается повтором одинаковых синтаксических конструкций – предложений. Он так же, как и названные выше повторы, связан с механизмом песенного исполнения: «Кетер ем бұлтпен бірге араласып, / Көрер ем найзағаймен жағаласып» («Смешался бы я с тучей, / Попробовал бы я с молнией состязаться»).

4) Синтаксический параллелизм, имеющий форму смыслового двучлена «природа – человек», составляет психологическую параллель. В силу того, что природа – один из главных субъектов поэзии Макатаева, то во многих его стихотворениях встречается психологический параллелизм: «Күн ауысып барады...» («День меняется...»), «Өткінші жаңбыр...» («Проливной дождь...») и др. Образец психологического параллелизма:

Көше лайсаң,	На улине слякоть,
Күн тұман.	День туманный.
Ағаштар тұр арса-арса.	Деревья стоят голые.
Мен біреуге ұмтылам,	Я ищу встречи с кем-то,
Біреу мені қарсы алса. ¹⁰	Если он захочет того.

Это первая строфа стихотворения «Лайсаңда» («В слякоть»), структурой (пять строк, цезура после третьей строки) и глубиной поэтического смысла напоминающая японское пятистишие (танка). Макатаев создает пейзажную зарисовку, соответствующую чувству тоски, царящему в душе человека. 1-ая строфа является нестандартной по отношению к последующим катренным формам. Она, задавая тон, исчезает. Это стихотворение о прошлом, о желании встретиться со всеми, кто был в нем. Но, когда лирический герой приходит в знакомый дом, его встречает чужой человек. Лирический сюжет стихотворения Макатаева переключается с танкой поэта к. VII – н. VIII вв. К. Хитомаро:

Ах, листья кленов среди осенних гор,
Хотя б на миг единый
Не осыпайтесь, закрывая все от глаз,
Чтоб мог увидеть я
Еще раз дом любимый!¹¹

⁹ Макатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. II, Алматы, 2001, с. 162.

¹⁰ Макатаев М. *Согады жүрек: Олеңдер, поэмалар*, Екі томдық, т. 2, Алматы, 1982, с. 90.

¹¹ Маньёсю. *Избранное*, М.: Наука, 1987, с. 31.

Аналогичную «Лайсацда» строфическую структуру (5 + 4n), где первая строфа держится на психологическом параллелизме, имеют такие стихотворения Макадаева, как «Алматыныц аспаны» («Небо Алма-Аты»), «Күн батты...» («Солнце зашло...») и др.

Среди дистантных синтаксических повторов в лирике Макадаева чаще всего встречаются два типа точных повторов.

1) Анафорическая композиция или строфическая – это дистантный повтор предложений с анафорическим словом и тождественной синтаксической конструкцией или повтор одного и того же предложения в 1-ой строке каждой строфы. В стихотворениях «Май-махаббат» («Май-любовь»), «Қандай бақыт!..» («Какое счастье!..») и др. анафорический повтор, являясь средством композиционного членения, служит созданию эмоционального напряжения и фиксирует движение лирического сюжета.

2) К разряду наиболее часто встречающихся приемов у Макадаева относится композиционное кольцо, которое представляет собой лексико-синтаксическое совпадение начала и конца стихотворного текста. Повтор в конце уже известной мысли, составляя основу стихотворения с кольцевым сюжетом, предстает в качественно новом состоянии, потому что воспринимается сквозь эмоционально-смысловую призму всего предшествующего текста. Стихотворное кольцо является добавочным внешним знаком «состоявшегося внутреннего идейно-образного единства»¹². Имеют форму композиционного кольца стихотворения Макадаева «Ей, табиғат! Мен саган өкпелімін...» («Эй, природа! Я на тебя в обиде...»), «Сарыала қаз оралады» («Пестрые гуси возвращаются»), «Күн бүгін күрентіп» («День сегодня пасмурный»), «Не деген керемет күн» («Какой прекрасный день»), «Тау бір аңыз» («Горы – одно предание») и др.

В структуре текста различные виды точных смежных и дистантных синтаксических повторов работают комплексно. Только гармоническое взаимодействие всех элементов текста порождает парадигму переживания и выстраивает смысл.

Границы между такими важными структурными компонентами природного идиостиля Макадаева, как субъектно-объектная организация, обращения и синтаксические повторы, нередко зыбкие и условные. В пределах поэтического текста они тесно взаимодействуют между собой. Например, обращение, выражая форму субъектности, одновременно может выступать и в качестве фигуры повтора, в чем убеждают многие приведенные примеры. Поэтому четвертый элемент, о котором пойдет речь, в структуре текста также может быть полифункциональным.

Данные статистических результатов, полученные нами при обследовании

¹² Сквозников В.Д. *Лирика, в Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы*, М.: Наука, 1964, с. 213.

582 стихотворений, вошедших в двухтомник 1982¹³, свидетельствуют о том, что наиболее часто встречаются 28 словообразов. Первую их половину составляют слова с ярко выраженной пространственно-временной заданностью. В связи с тем, что лирический герой Макагаева тесно связан с природой, ощущает с ней кровное родство, для него принципиально важно обозначить время и свое местонахождение, которые являются как способом выражения его жизнепонимания, так и самоидентификации. Приведем некоторые статистические данные частотности образов поэзии Макагаева.

1. тау	(гора)	184	8. таң	(рассвет)	66
2. күн	(день)	150	9. күз	(осень)	51
3. аспан	(небо)	109	10. дала	(простор, степь)	48
4. жер	(земля)	106	11. бұлт	(облако)	47
5. күн	(солнце)	103	12. жаз	(лето)	46
6. түн	(ночь)	101	13. дүние	(мир, вселенная)	44
7. көктем	(весна)	87	14. қыс	(зима)	40

Как свидетельствуют подсчеты, количественные показатели слов, составляющих общепринятую основу комплекса семантических бинарных оппозиций, близки между собой. Сравним: небо – земля = 109:106; лето – зима = 46:40.

Система противопоставлений может выступать и в качестве синтаксических повторов. Фраза «Сенің жүзің көкте күннен, жерде гүлден жаралған» строится на повторе синтаксически тождественных групп «көкте күннен», «жерде гүлден» – «от солнца в небе», «от цветов на земле», которые одновременно содержат в себе и снятую антитезу «көкте» («в небе») – «жерде» («на земле»). С помощью этой антитезной пары формируется в стихотворениях физическое пространство по вертикали: «Аспан мен Жер» («Небо и Земля»). Слово «аспан» в этой паре нередко может быть заменено на синоним «Түйісуде көк пен жер» («Сливаются небо с землей»). «Небо – земля» – традиционная пара, в космогонической мифологии имеющая божественное происхождение. Символизируя мужское и женское начало, составляет брачную пару, от которой рождаются люди, жизнь на земле. Лирический герой Макагаева постоянно находится в открытом природном пространстве (попутно заметим, что замкнутое пространство как место обитания появляется впервые только тогда, когда речь идет о болезни поэта). Он – дитя природы. Соединение неба и земли в качестве и субъекта, и объекта уже предполагает возникновение архетипических ассоциаций. В стихотворении «Ей, өмір»¹⁴ («Эй, жизнь») лирический герой говорит, что его жизнь проходила между небом и землей: «Жер мен көктің желпініп

¹³ Макагаев М. *Согады жүрек: Олеңдер, поэмалар*, Екі томдық, Алматы, 1982.

¹⁴ Макагаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. III, Алматы, 2002, с. 207.

арасында» («Резвясь между небом и землей»). Отсылку к миру ребенка содержит слово «желпініп» («резвясь»), обладающее семантикой беззаботной и радостной детской жизни. Нередко словообразы небо и земля пишутся с большой буквы: «Жер мен Көктің арасында» («Между Небом и Землей»). В древнетюркской мифологии на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине складывалось Тенгрианство.

В конструируемом небом и землей пространстве важным является промежуток между ними. Это середина, где находится человек: «Неткен тұнық, неткен қымбат жер мен көктің арасы!» («Как чисто, как дорого расстояние между землей и небом!»). Это точка пересечения интересов двух титанов: «Аспан асты, жер үстін саялаған» («Небо низу, земля верху покровительствуют»). В стихотворении «Құрғақшылық»¹⁵ («Засуха») от их согласия зависит жизнь в этой точке: «аспан мен жер үндесер» («небо и земля перекликаются»). Общие заботы объединяют их. Объединяют их и общие цвета – зеленый и синий: «жер жасыл, аспан жасыл» («земля зеленая, небо зеленое»); «Аспан да, жер де, айнала тегіс көкпеңбек» («И небо, и земля, все вокруг совершенно синее»); «Аспан асты, жер үсті, / Ойхой, неткен көкпеңбек!» («Низ неба, поверхность земли, / Эх, как все синее!»). Предложенные вниманию семантические воплощения пары небо – земля представляют собой снятую антитезу.

Движение неба и земли имеет скрытую форму, поэтому эта пара в поэтическом тексте чаще предстает в этической статике, что способствует сглаживанию конфликта между ними. Пары, создающие временную ориентированность, в силу своей природной динамичности, чаще сохраняют архетипическую идею противопоставленности. В них дается указание на смену дня и ночи: «жылымық түн, ұзақ таң» («теплая ночь, долгое утро»); «Көрдiң бе таң мен түннiң соғысқанын, / Жарық пен қараңғының тоғысқанын» («Видел ли ты, как утро с ночью воюют, / Свет с тьмой борются?»). Показана смена времен года: «Жазда аптап, қыста аяз қарып алып» («Летом палит, зимой мороз обжигает»); «Көктем кетті, күз міне жуықтады» («Весна прошла, вот осень подходит близко»). Природа в поэзии Макаатаева становится выражением национального самосознания. Семантикой сменяемости природных циклов обусловлен быт казахов: «Жаз болса, жорға мініп жайтақтаған, / Күз болса, қойшы жаны жай таппаған» («Летом, оседлав иноходца, радуется жизни, / Осенью же душа пастуха не находит покоя»).

Антитезные формы Макаатаева обладают индивидуальными свойствами, смысл которых заключается в том, что противопоставленность больше проявляется в мире людей, чем в природе. Она составляет органическое целое, где царят гармония и взаимопонимание. Но когда природа становится

¹⁵ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. II, Алматы, 2001, с. 162.

психологическим аналогом мира людей, возможно возникновение дисгармонии. В стихотворении «Жамылып сағыныштың сал шекпенін...»¹⁶ («Укрывшись тоски болезненным чекменем...») звучит мольба, обращенная к возлюбленной. Тоска неразделенного чувства выражается метафорой, строящейся на контрасте: «Көкке емес, жерге сонда құлайды арман» («Тогда не в небо, а на землю упадет моя мечта»). Антитезой природных реалий, обозначающих время, передаются чувства и переживания влюбленного человека: «Мен – түн болсам, сен – таң болдың жаңа атқан» («Если я – ночь, то ты – утро наступающее»). Антитезные формы так же, как и система субъектно-объектных отношений, обращение, синтаксические повторы, тесно взаимодействуя между собой в пределах поэтического текста, активно участвуют в организации художественного мира природы. Природа представляет для Макаатаева тайну и силу, манящую человека: «Табынайық табиғат пандығына» («Преклонимся перед силой природы»).

То., исследование важной для лирики Макаатаева темы позволило выявить комплекс наиболее показательных структурных элементов (система субъектно-объектных отношений, обращение, синтаксические повторы и антитезные формы) и особенности их функционирования при создании высокой поэтической семантики мира природы.

The Structure and Semantics of The World of Nature in M. Makataev's Poetry

The article studies the world of nature in the poetry of the 20th century outstanding Kazakh poet Mukagali Makataev (1931–1976). An esthetic image of nature, being a semantic dominant of his creative works, is determined by the poet's ethical principles and caused by his destiny. The research of the embodiment of nature in Makataev's poetry has allowed us to define the most indicative structural elements, such as a system of subject-objective relations, references, syntactic repetitions and fiction antithesis forms, and to reveal their action mechanism in Makataev's poetry.

¹⁶ Макаатаев М. *Шығармаларының төрт томдық толық жинағы*, т. I, Алматы, 2001, с. 266.